

Родился в Екатеринбурге. Учился на филологическом факультете Уральского госуниверситета. Музыкант, лидер группы The Stockmen. Работал копирайтером в пиар-агентстве. Публиковался в журналах «Воздух», «Урал», альманахе «Вавилон», сборниках премии «Дебют» и др. Стихи входили в длинный список премии «Дебют». Финалист премии «ЛитературРентген» 2005 года, лауреат премии «ЛитературРентген» 2006 года в главной номинации. В

2007 году вышла первая книга стихов «Продавец почек». В 2012 году в Екатеринбурге вышел сборник стихов и прозы «Мне вновь — богом. Зябко на душе...», а в 2013 году подборка стихов Тараса вошла в иллюстрированную книгу современной русской поэзии, изданную Британской высшей школой дизайна.

ЧЕРЕПА ЗАБЫТЫХ ПИСЕМ

* * *

Вы замечали — всё это бывает, когда
Девочка из параллельного не отвечает
Ни на звонок, только даром тянул провода
Кто-то небритый, в похмельной и божьей печали.

Словно набитый плохими ирисками рот
Медленно слово выводит, оно

Липнет к нёбу, длинный гудок, и во
Времени вислый живот.
Лезут минуты, одетые в серые робы.

Ты положи, положи. Нет, я не положу.
Ради себя и неё и какого-то духа
Я подержу ещё трубку, чуток подержу,
Чтобы на память осталось горячее ухо.

* * *

Выходишь в свет, когда светает,
Задвижки бункеров порвав.
Идёшь под дымным небосводом,
Проходим кажешься уродом,
Хотя почти чистопородный —
Гав! Гав! Гав! Гав!

Раздумье. В волосы вцепясь,
Минуешь грязь, минуешь грязь;
Притон безделья и безумья,
Рай обесцвеченных фигур,
Рвёт головы овал твой шумный
Екатерин-бур.

БУКВАРЬ

А жук жужжал. А ящик был из досок.
А жук сердился — панцирь ему жал.
А ящик тень бросал — всю из полосок.

А мальчик книгу по ночам читал,
Раскрыв страницы до размеров ночи.
Под утро удивлялся, что устал.

Ложился он. С ним в темноте лежал,
Как тень от ящика,
ст о л б е ц
з е л ё н ы х
с т р о ч е к.

Автобус первый, словно жук, жужжал.

* * *

Я вышел на работу, чтоб понять —
Две-три недели в самом деле долго.
Две лилии. Три вербы. День девятый.
Очухался, как мокрое перо,
В постели.

Мне приснилась речка Волга.
Две лилии (они там не растут).
Три вербы. Кто-то умер.

Братья: «Зря ты!»

Он им из гроба: как вам не понять,
Я вышел на работу, чтоб занять
Две-три недели. Мокрое перо
По Волге плыло. Вот оно концом
К постели, где я умер. А лицо
Напудрено, и за щеками вата —
Две лилии (они там не растут).

* * *

Тогда по всей земле стояла глина.
Как мы кусаем хлеб, она кусала
Сапог, потом второй. Так за одной
Прошла другая пара сапогов.

Два сапога — один, четыре — двое.
Затем они построили оркестр.
Там было девять честных музыкантов.
Их губы примерзали к мундштукам.
Их сапоги месили пузо глины,
Застреленных месили их глаза.
Их музыка хрипела серой сукой
(Сорвала голос, потеряв щенков).
Хрипела: выходи и умирай.
Хрипела: мне без вас так страшно, страшно.
Хрипела: выходи и умирай.
И только кто-то падал, сапоги
Показывали шляпки гвоздевые.
Рыдали мордой в глину, холодея.

МОРЕ — РАЗ, ДВА, ТРИ

Мой друг Малечко ездил в Николаев,
Хотя там Украина и вообще
Полно пампушек, сала, пёсжих лаев
И рубль не имеет обраще
Ни я, ни ты, ни кто-то из приезжих
Не купит водки в рідной на рубли.
За гривны — море, бабы, цирк-манежи,
Волнуется всё море — значит «ТРИ»!

Малечко отдыхал своею хатой,
По возвращеньи он мне подарил
Консерв «Одесский воздух», плотно сжатый.
Морская, бля, фигура — ну замри!
Мне страшно открывать «Одесский воздух»,
Напичканная смыслом голова
У ящика Пандоры скажет просто:
«Волнуется, ша, морэ. Таки ДВА!»

И тут реветь я буду и посуду
Настойчиво, но аккуратно бить.
Эллады нет — пойду к седому пруду,
Не вам одним воды Эллады пить.

Шагающий по тропкам ребе Кацман
Прошепелявит: «Шо было у нас!
Ведь верили, и голосами астмы:
Шма, Исраэль! Там море таки РАЗ!»

Малечко, под тобою Чёрным — море,
А в рот пихнули речи колдунов,
Подействует? Не действует? Поспорим.
Вдвоем в ракушкин рог морской свой рёв:
«Море волнуется — РАЗ!»

ПРОДАВЕЦ

Парень скромный, симпатичный,
Не хвастун и не хитрец,
Мой приятель закадычный —
Детских почек продавец.

Золотые челюсти,
Десять дюймов прелести,
Банка медицинская,
Рожа материнская.

Топором тяжёлым двинет
По ребячьей голове,
Сноровисто почки вынет —
Не одну, а сразу две!

Хорошо товар идёт,
Налетай, больные!
Золотятся в полный рот
Челюсти вставные.

Почка умною была —
Не курила, не пила,
Маленькая, славная,
В организме главная.

* * *

Ты мне крестик из спичек свяжи поперёк —
И с таким проканаю.
Если кончатся спички — достал и поджёг.
Закурю, повздыхаю.

Если кончатся ноги, ладонями я
Как туда, так обратно.
Если кончусь я весь — зеркало занавесь.
Был хороший, и ладно.

* * *

Живописец. Писец как живо,
Натягивая шкуру дня,
Ты акробатом спецпошива
Разыгрываешь для меня
Две роли в рамках шкуры влажной,
Две боли от бровей до рук,
И кое-что, уже не важно,
Где бился влажный гулкий стук.

Поднятиями страстей картину,
Приподними всё полотно,
Добавь бубенчиков старинных —
И будет самое оно.

* * *

Листайте черепа забытых писем
Тех, кто любил, тех, от кого зависим
Был — целым, без остатка, горячо.

Моргайте в их уснувшие фигуры
На донце сердца, без литературы,
В надежде: снова под рукой плечо.

Вдыхайте запах старого дивана —
Кошачьи саки, месячные мамы,
Слюна и семя папы, пыль и грязь —

Всё это жизни — в ласке и печали,
Всё мысли, что вас с богом обвенчали
По Пушкинской метели, затаясь.

Вот лишь, наплакавшись и надышавшись,
Списав это на взрослую, но — шалость,
Подумаете: жизнь была светла,

Хихикнут старцы и заржут паяцы,
И за спиной у вас распространятся
Два исполинских сломанных крыла.